

ГЕОРГИЙ ЭРИСТОВ

СОНЕТЫ

МИЛАН

В Редакцию
газеты "Русская мысль"
на one year
one абонемент

Feb. 1955.
Milano, via
Gaffurini 4.
G. Zristoff

ГЕОРГИЙ ЭРИСТОВ

СОНЕТЫ

МИЛАН

*Я, что мог быть лучшей из поэм,
Скрипкой звонкой или розой белою,
В этом мире сделался ничем,
Вот живу и ничего не делаю.*

Николай Гумилев.

НА КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕМЫ!

1922

DE BELLO GALLICO

I

С теплом лесные ожили дороги,
Вся Галлия поднялась на борьбу.
В последний раз решат ее судьбу
Любимый вождь и праведные боги.

Но пала тень от цезаревой тоги
На материк. И тщетную мольбу
Возносит жрец. Ведь суждено рабу
Собой украсить римские чертоги.

Легат напрасно убеждал народ.
Законы Рима непонятны галлам.
Мятеж пылал. Настал кровавый год.

Но совершал авгур в наряде алом,
Среди знамен и золотых орлят
Веками освящаемый обряд.

II

Тит Лабием скрывался третий час
От вражеской стремительной погони.
Он слышал — у дверей храпели кони,
Но жизнь ему глава Редонов спас.

Вождь другом Цезарю бывал не раз.
Он не мечтал о призрачной короне
Он будет верным даже в смертном стане.
И светоч Рима здесь еще не гас.

Державный город должен править миром
И вне его нет истинных путей,
Карают он бунтующих детей,

А консула венчает триумвиром.
Но древний галл, в столетий глубине,
Зачем глубокой ночью снишься мне?

КАТИЛИНА

Встревожен форум. Чаще льются вина.
В тавернах власть клянут и небеса.
Пятнадцать дней не видны паруса,
А хлеба нет на склонах Авентина.

Толпа в руках политики, что глина.
Мятеж в сердцах, зловещи голоса,
За городом пожаров полоса.
То бросил вызов дерзкий Катилина.

Отцы отечества скрывают страх,
Пугает их восстания размах.
Но город не боится жалкой черни.

Уже гремит надменный Цицерон.
И стража окружает в час вечерний
Дом заговорщиков со всех сторон.

КАРФАГЕН

Смятенъе в садах у Гамилькара.
Исчезла дочь правителя. И жрец
Спешит покинуть сумрачный дворец,
Где притаилась мстительная кара.

Весь горизонт в об'ятнях пожара.
В сердцах старейшинам грозит отец.
Он бросил им победный свой венец
И древний город дрогнул от удара.

Флот далеко. Открыты берега.
Баал не хочет одолеть врага...
Он отвергает жертвы и моленья.

А за стеной мятежный вождь в шатре,
Пред Саламбо склонившись на колени,
В любовном трепете не рад заре

СОКРАТ

Прекрасен день, но воздух сух и зноен.
Напрасно юношей арены ждут.
Сегодня вновь решает дело суд.
И вот весь город глухо безпокоен.

На площади, где храм могуч и строен,
Народ волнуется. Бесцельный труд.
Века его позора не сотрут,
Он с этих дней восторгов не достоин.

Мудрец спокойно ожидает казнь —
Неведомы смятенье и боязнь
В ком сердце чистое не бьет тревогу!

А жизнь была прекрасна и проста.
И к чаше жертвенной прильнут уста,
Чтоб путь открыть страдающему богу.

ПОРТРЕТЫ

1931-54

ВСТУПЛЕНИЕ

Лепечут колокольни вдалеке.
Плывут в тумане кровель черепицы.
Апрель. Весна. Несутся с юга птицы.
Поет земля на древнем языке.

В семнадцать лет предаться ли тоске,
Когда в крови слепительны зарницы,
Когда, что день, то новые страницы,
И молодость на каждом лепестке!?

Ах, юноше дан этот мир зеленый!
Звенит ручей. Волнует ветер клены.
Вздыхает ночь у дымного костра.

И неожиданно, под взрывы смеха,
Баллада непристойна и остра,
Звучит, пугая девственное эхо.

I

Лепечут колокольни вдалеке.
Закат роняет розовые тени.
Слегка трещат лукавые ступени
И скрипнул ключ предательски в замке.

Но ждут друзья в соседнем кабаке
Под вывеской « Ветвистые олени »,
Где кокийяр, предавшись праздной лени,
Плутует в кости, нож зажав в руке.

Распутства здесь веселая Сорбонна!
Здесь кафедра магистра — « вне закона »,
Здесь семинарий воровских наук.

А практика — на улицах столицы —
Удобный час, стихает шум и стук,
Плывут в тумане кровель черепицы.

II

Плывут в тумане кровель черепицы.
Пробило два. Прошел дозор в ночи.
Прохожий стой! Не шевелись! Молчи!
Дай кошелек приятелям блудницы.

Вино и страсть. Неистовы девицы,
Их груди крепкие и губы горячи.
Кричат сердца — рассудка палачи,
Летит кровать и пляшут половицы.

С веселой Марион любви урок
Твердит Вийон до самого рассвета —
Впервые он в ученьи видит прок,

В его душе — рождение поэта.
А за стеной день приподнял ресницы,
Апрель. Весна. Несутся с юга птицы.

III

Апрель. Весна. Несутся с юга птицы.
Шумит толпа у городских ворот.
Отряд сержантов, профос, эшафот,
За поворотом грохот колесницы.

У жалкой женщины торчат ключицы,
Стеклянный взгляд и нежный, нежный рот.
Визг колес. На лбу кровавый пот.
Вздувает ветер парус власяницы.

Суров закон и мерзок липкий страх.
Какая ненависть и месть в сердцах!
Союз бродяг отныне спаян кровью.

Трепещет грудь, дрожит бокал в руке...
А за стеной — томится ночь любовью,
Поет земля на древнем языке.

ГУМИЛЕВ

Сегодня я почти достал до неба,
Где ждал меня любимый мой поэт.
Плыл огненным столпом вечерний свет.
Стихи же были мне дороже хлеба.

Природа — жрец, ее беззвучна треба,
И вечности непостижим секрет.
Рассудок глух, но тело даст ответ
В лучах живительных и ярких Феба.

Туман из сераго стал золотым.
Горящий лебедь — облако заката.
Летит душа, зовет, не видит брата,

Тоскуя плачет по словам простым.
Шаги легки в лазоревом пространстве,
Когда с тобою Муза Дальних Странствий!

БЕТХОВЕН

Гнев Прометея. Вздохи пасторали.
Рев космоса и нежный гимн весны.
В грозе нам львиные черты ясны.
Осанну трубы в небесах играли.

В какой неведомой, певучей дали,
Подобно буре пролетали сны?
От южных пальм до северной сосны
Симфонии смеялись и рыдали.

Молчанье рухнуло — зал погребен.
Сияло зарево иных времен.
И музыка несла нам дар чудесный.

Оставлен позади последний вал.
Предел вселенной раздвигая тесный,
Глухой кудесник ураган взрывал.

PRO DOMO SUA

1924-54

БОРИСУ З.....У

Весь этот мир, таинственный и странный
Готов любить я тысячи веков.
И звонче песни буйных моряков,
Влекут меня неведомые страны.

Кто вылечит любви жестокой раны,
Где этот свет угрюмых маяков?
Суровый профиль черных берегов
Скрывают жадно жгучие туманы.

Стрелой летят надтреснутые дни.
За ними в след и северные зори...
Горит экватор... полюса огни.

Вот лодка мчится в облачное море...
И в брызгах пламенных зубчатых льдов
Не скрыта ль тайна потонувших снов?

БОРИСУ ПЕТРОВИЧУ КОРОНЕЛЛИ

Ручей лепечет звонкий свой рассказ,
Задумчиво внимает дуб могучий.
Перекликаются с горами тучи.
На лепестках дрожит росы алмаз.

Бежать пытаемся, в который раз?
Домов оставив каменные кучи,
Увы, полей нам чужд язык певучий,
Природы, непонятен нам экстаз!

Глухи, слепы... боимся мы зарницы,
Не слышим, как щебечут мило птицы,
Средь зарослей густого камыша.

Лишь избранным даны огни Сиона —
Вверху, как некогда во время оно,
Проходит Бог, таинственно шурша.

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ

Кн. В. А. Сумбатову.

Я Ваше перечел письмо, мой друг, —
Привет глухой, невыразимой боли.
Да, мы виновники печальной доли.
Жизнь — заколдованный, порочный круг.

Когда из тучь проглянет солнце вдруг,
Бегут от нас все горести неволи.
Мы столько адских мук перебороли,
Что нам не страшен старости недуг.

Хоть плоть слаба, но дух наш вечно молод,
А жадной Музы ненасытен голод.
Закат багровый озаряет дни.

Готовы мы, на родине Торквато,
Зажечь, как сделал милый Фет когда то,
Последние, вечерние огни.

СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ

В пути у дрожек лопнула рессора.
Из тучи брызнул дождь. Ударил гром.
К соседу б завернуть, тут за углом,
Да вспомнилась вдруг карточная ссора!

Но вымокнуть из за пустого вздора!
А дождь сильней... заволокло кругом.
Свернуть скорей!... Вот показался дом
И слышен лай сердитаго трезора.

Часок спустя, откушав крепкий чай,
За ломберным, как будто невзначай,
Приятелей ждет тетушка — старуха.

Скрипит мелок. Гудит хозяйский бас,
Трещит свеча. Труба вздыхает глухо...
Гость сердится и об' являет — пас!

ФАРФУЙ

Мой сиамский кот.

Лежит он Сфинксом на столе моем,
Когда я с темой упрямой в схватке.
Зевая, тянет лапу мне в перчатке
И приглашает поиграть вдвоем.

В его глазах лазурный водоем,
Небрежное величие в повадке,
Все дни его размеренны, в порядке,
Уверен он в достоинстве своем.

От гордых предков получил в наследство
Он мудрость и насмешку, и задор,
И отменяет прочь, как жалкий вздор,

Непоправимое людское детство.
Но во снах его тревожит по ночам
Таинственный и пламенный Сиам!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Летят, летят на милый север птицы...
Перебирает память четку лет...
Вот по снегу саней пушистый след...
И чей то смех, и робкие ресницы...

А по весне — вечерние зарницы...
И на лужайке брошенный крокет,
И на скамейке Ваш шотландский плед,
И дней, и встреч беспечных вереницы.

Но грянул гром и тяжек небосклон.
А на столе — забытые перчатки.
Ушедшему на век — земной поклон.

Как аромат, таинственно и сладко —
Нас прошлое волнует вновь и вновь.
С, Родина — ты первая любовь!

МАМА

Балован хрупкий мальчик был тобой.
Над ним дрожала целыми годами.
Твоя любовь, бессонными ночами,
Вела победный с недугами бой.

Ты в детстве для меня была судьбой,
И красотой, и лаской... а над нами:
Жизнь протекала золотыми снами,
Цвели цветы над бездной роковой.

Нас злобный ветер разлучил навеки,
Быть может в этом виноват и я...
Ты в одиночестве сомкнула веки...

И сердце жалит памяти змея...
Но для меня — чудеснейшая гамма —
Простое и святое слово « мама »!

ОТЕЦ

Любил я с детства книги и науки —
« Энциклопедия моя » — шутил отец.
Мне тяжким горем был его конец,
Я не забуду день сердечной муки...

У моря синяго, в часы разлуки,
Еще не знал я, что благой Творец
Ему счастливый подарил венец, —
Его не тронули насилья руки!...

Враг лишних слов и справедливо строг,
Всегда суровым паладином чести
До гроба родине служил без « лести », —

Покинул чистым он земной порог.
И сыновья, разбросаны по свету,
Старались следовать его завету...

МАНГЛИС. I

Мороз. Сугробы. Лай цепной собаки.
Шагами ватными крадется ночь.
Луны осколок убегает прочь.
С портрета дед глядит, топорща баки.

Морфей рукою щедрой сыплет маки —
Не по сезону, но готов помочь!...
И шепчет сказка — феи доброй дочь,
Прильнув на край узорчатой мутаки.

Дрожит в углу лампадки огонек.
Горбатой тени прыгает конек.
Трещит в шкафу разохшаяся полка.

Забылся мальчик в беспокойном сне,
Он грезит, что в Рождественском огне,
В собраньи полковом его ждет елка.

МАНГЛИС. II

Е. Н. Ардишвили-Ланцеротти

Солдату памятник и плац квадратный.
Дробь барабана, ряд седых знамен.
О, сколько в памяти родных имен!
И годы повернули в путь обратный!

Гарцует на коне полковник статный,
В волшебной призме канувших времен.
Друг детства — преданный денщик Семен,
Меня зовет, шутя, на подвиг ратный.

Оркестр. Могучий марш. Фанфара труб.
Гремит ура, срываясь с сотен губ.
Дрожит земля и тяжек мерный топот.

Но гул приветствия еще не смолк
И мне доносит ветра тихий шопот —
Лейб-гренадерский, Эриванский полк!

ПЕТЕРБУРГ

Фонтанка. Мост и бронзовые крупы.
Карета бабушки. Ивана борода.
В канале плещет тяжкая вода.
В Михайловском гастроль французской труппы.

Дворцов застыли мраморные группы.
Плывет туман — свинцовая слюда...
И знаю я, что не вернусь сюда,
На невские гранитные уступы.

Державный город ныне опочил,
И Марсово молчит печально поле,
Но богатырь таит избыток сил —

Он даст сигнал вновь пробужденной воле.
Пройдут полки и прогремит ура,
Приветствуя воскресшаго Петра!

УСАДЬБА

Лип вековых задумчива беседа.
В конце аллеи — белый ряд колонн.
Лес к озеру сбегает под уклон.
А у ворот коляска ждет соседа.

Но вот окончен ритуал обеда.
Так жарко! Полдень навевает сон.
Полушутя отвесил внук поклон,
Приветствуя портрет вельможи-деда.

Я второпях пересекаю двор,
Сбежав от скучного мне этикета...
Мы заведем в конюшне разговор:

О лошадях и о проказах лета;
Никита-кучер, еерный мой старик,
Тебя ль забыть, владимирский мужик!

БАТУМ

Зеленый луч и гулок шум прибоя.
Влечет в неведомое синева.
За горизонтом скрыты: острова
И шляпа островерхая ковбоя.

Да, мальчик ждет таинственного боя,
Ему поет высокая трава.
Раскрыта жизни новая глава.
Сердитый ветер пролетает, воя.

Взрывая воздух, прохрипел гудок —
« Открытие » отходит на Восток.
Дурманит сердце порта острый запах.

Все тише, глуше ритмика турбин...
Дрожа в морских, порозовевших лапах,
В дали заката катится рубин.

ТИФЛИС. I

Осень 1914 г. Посещение
Государем I-й гимназии.

Мне не забыть последняго Царя
Его глаза и бархат тихой речи.
Сквозь жизнь пронес я память этой встречи
— младенчества волшебная заря.

Наш педагог фрондировал, но зря!
В те годы революции предтечи
Еще смущались, опускали плечи
В им ненавистном пламени горя...

Меня представили — был первым в классе,
И с лаской улыбнулся Государь.
О, как хотелось мне, как предки встарь,

Предстать пред ним в сияющей кирассе...
Он мне сказал: Будь в жизни до конца
Достойным сыном твоего отца!...

ТИФЛИС. II

На окончание гимназии

Гортанный вечер — терпкое вино!
И улицы в веселых всплесках смеха.
Вот Бахуса приветливая вежа —
Духан кривого толстяка Ваню.

Нам юности немного дней дано;
И вот, в надежде счастья и успеха,
Не знаем мы, что злая ждет потеха,
Что жизнь готова сбросить нас на дно.

Пока же молодость, что тост заздравный,
И вторит небо нашим голосам.
Мы с временем вступаем в бой неравный,

Тоскуя по... невыросшим усам!
А за стеной — высокая гора,
Лезгинку пляшет резвая Кура.

1921-24 гг. Америк. Комитет

Казачий пост. Дом номер сорок два.
Две скрипки и рояль: кричат синкопы.
Кругом пожар, а здесь мираж Европы,
И дни летят, касаясь душ едва.

Бормочет ночь неясные слова.
С небес глядят безликие циклопы.
Буфет. Коктейля — жгучие сиропы,
И кружится от хмеля голова.

Светает. Мы под властью фокстрота,
Не выспались, и клонит нас дремота,
Зеваем в крепко стиснутый кулак.

А утром ждут: grosбухи и контора,
Там, в глубине зеленого простора,
Куда несет нас ветхий кадилак.

ВТОРОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Морозная заря. Гул каннонады.
Над головою шаркает шрапнель.
В степи кружит жестокая метель,
Чернеют танков смятые громады.

Но суждено преодолеть преграды.
Нам мирная еще споет свирель.
В последний раз, тебя, родная ель,
Приветствуют изгнанники-номады.

Печальный город в ужасе затих.
В душе рыдает покаянный стих,
И кровью истекают сердца раны.

Судьбы бессильны изменить мы путь,
Надежды рухнули, их не вернуть,
В удел остались нам — чужие страны...

ПОЭТУ

Заставь симфонией звучать металл.
Пусть словом будет мрамора порода.
И не забудь, что не мертва природа.
Ты, высекая звук, поэтом стал.

Подслушай, как поет любой кристалл —
Вселенная — торжественная ода!
Слезливые стихи — душа уroda,
Убогих мыслей жалкий пьедестал.

Поэзия — гранитное веселье,
Залитый солнцем мускулистый день!
Гони же прочь гнилую дребедень,

Тебе дано высокое похмелье!
И лишь тогда, художник и творец,
Заслужишь ты терновый свой венец.

БЕССОНИЦА

Лукавый раб зарыл талант глубоко...
А жизнь растратил так, по мелочам.
Вот почему и страшно по ночам,
Когда глядит Всевидящее Око.

Надежды, юность, сила, все — далеко...
И новый день не даст отрады нам,
Душа кричит и рвется к небесам,
Но тяжек груз под знаком рока.

Равно открытый для добра и зла,
Мне вспоминается кудрявый мальчик,
И тень от белоснежного крыла...

А детство было, что волшебный ларчик,
Но хрупкий сон изломан на куски
И нет предела для моей тоски.

СОМНЕНИЕ

Любой металл с,едает кислота,
А душу ранит скальпелем наука.
Рассудок наш так тяжело давит скука —
Расчитана грядущего мета!

Забыли мы, что значит простота,
Но гложет нас порой сомненья мука.
Исчезла вера, горестна разлука,
Безрадостна последняя черта.

Дух заменила скользкая амеба.
С Изиды сорван таинства покров.
И человеку, у предверья гроба,

Лопух смется, да последний ров...
Нас, глупых чудаков, редет кучка
И миром правит гордый недоучка.

ГРЕШНИК

Настанет час свести последний счет
У страшного и черного порога.
Напрасно будешь призывать ты Бога,
С души пытаясь сбросить тяжкий гнет.

Дней молодых припомнится полет,
Когда тебя не мучила тревога.
Но жизнь прошла и пошла и убога,
А быть могла, что чистый водомет.

Ты каялся и вновь грешил без меры,
В гордыне жил без чувства и без веры,
Был « не холодным, не горячим » — ты!

Но может быть предсмертное страданье
Убережет лукавое созданье
От вечной и ужасной пустоты...

ДОРОЖНЫЙ ДНЕВНИК

1927-54

СКИТАНИЯ

1927-54

ИСХОД

(Константинополь)

Исход. Босфор. Оставлен Рубикон.
Мы подплываем к Золотому Рогу.
Я сам избрал последнюю дорогу.
В душе — Отечество, как сладкий сон.

Ликует мир. Весенний перезвон,
А сердце бьет неясную тревогу.
Слетает с губ сухих молитва к Богу.
И чайки белой замирает стон.

Кофейня. Столики. Мелькает феска.
В глаза луч солнца ударяет резко.
От раскаленных плит струится жар.

Но вот раздался голос муэдзина
Тягуче-липкий, тонкий, как резина,
И затихает праздничный базар.

ПРАГА

Памяти брата

Весенний день. Широкая Молдава.
В об'ятях солнца древний Карлов мост.
Я вспоминаю наш последний гост,
И громкое ура, и крики « Слава »!

Какая в сердце жгучая отрав! —
Свезли за город юность, на погост.
Мне говорил мой брат, суров и прост:
« Запомни: жизнь — лишь горькая забава! »

Сойди с коня, и вынь свой меч Вацлав!
Расправь широко бронзовые плечи!
Но ты молчишь — металла тяжкий сплав,

Врагу не дашь урока бурной сечи!
Меня же память, по ночам слетая,
К тебе зовет, о Прага золотая!

БЕРЛИН

Цветет весна. Вот ресторан « Байкал »,
В дверях встречает томная хозяйка,
И подает мой друг — болтун, всезнайка,
Мне золотого рислинга бокал.

Еще с прошедшим встреч я не искал...
Беспечных мыслей пролетает стайка,
Среди приятелей — сердечна спайка,
Хоть кажет жизнь звериный свой оскал.

Курфюрстендамм. Веселые витрины.
Асфальта зеркало, скользят машины...
Тебя ли, милый город, мне казнить?!

Везде пруды, сады, озера, парки...
Но час уж недалек — седые Парки
Таинственную подрезают нить!

КВЕДЛИНБУРГ, горы Гарца

Отель « Zum Bäg », забытый городок.
Легки шаги шестнадцатого века.
Так жаждет отдыха душа — калека,
Тревоги здесь не прозвучит гудок!

И времени окаменел поток.
Жизнь не пугает спешкой человека.
На площади: старинная аптека,
Сидит старушка, вяжет свой чулок.

А на холме, оцепенев главою,
Тысячелетием глядит собор,
И не разбудят боевой трубою

Оттона Перваго почивший двор.
Как тяжкий сон, владеет страх поэтом —
— Вальпургиева ночь кружит над светом!

ЗОЛОТО РЕЙНА

Утес. Поет и плачет Лорелея.
Наш пароход торжественно молчит.
Лес поднял к небу свой зеленый щит.
В груди забилося сердце, холодея.

Сбегает виноградников аллея.
Нам гордый замок о былом кричит.
Душа моя в тисках надгробных плит,
Но берег нас приветствует, светлея.

Смеется город, тянет нам бокал —
Дрожит душа в нем золотая Рейна.
В кругу друзей мы празднуем семейно,

И вторит голосам старинный зал.
А час спустя, « без мысли и без веса »,
Несемся мы в об'ятнях экспресса.

МЮНХЕН

Я Вас люблю, немецкие Афины,
Когда то Тютчев жил здесь много лет,
Его посмертный передать привет
Готов я Вам, веселые долины.

Порою мне кусок священной глины,
Осколок мрамора, льют нежный свет —
Забытой красоты в них скрыт завет,
И сердца расправляются морщины.

Закат зажег над городом пожар.
Зеленый плещет и поет Изар.
На ратуше удары карильона.

Но кто отыщет пламенный Грааль?
Трепещет мир и не удержит стона —
Вонзилась в грудь безжалостная сталь!

В Е Н А

Деревья чинные. Молчит Шенбрунн.
Глядит на нас ушедшая эпоха.
На каменной скамье — дорожка моха.
Доносит ветер вальс незримых струн.

Но кто прочтет сказанье древних рун?
Лик времени — гримаса скомороча.
Невольно здесь ты не удержишь вздоха...
О, прошлое! Ты памяти пестун.

В карете вижу профиль Меттерниха.
Интриги. Бал. Волнуется конгресс.
Поет о молодости Венский лёс.

И красный лист слетает в танце тихо...
Печаль веков уносит в дальний край
Его Величество — седой Дунай.

ПАРИЖ

Gare de Lyon. Ухабы мостовой.
Немытые дома — столица мира!
Я блеска ждал вселенского кумира,
А встретил взгляд Медузы неживой!

В тоске поник невольно головой.
Гримаса жизни — едкая сатира.
Но гость незванный не нарушит пира,
Исчезнет в мраке, шаг ускорив свой.

Прошло пять дней. Пленительна сирена.
Я очарован, в сердце перемена,
Коварный город мне раскинул сеть!

Влюбленному так тяжело расставанье!
Пусть заслужил он это наказание —
Душа готова гимн любви пропеть!

ЗАМКИ ЛУАРЫ

I

Вот Шенонсо, Шамбор и Амбуаз.
В них слава брeнная навек заснула.
Не слышит камень новой жизни гула.
Река бормочет тихо свой рассказ.

Даны туристам грубо на показ:
Альков, кровать, резная спинка стула.
Средь гобеленов память потонула,
И стрельчатых окон горит алмаз.

Нам прошлое почти всегда — прекрасно,
А настоящее браним — напрасно —
Романтика восторженных сердец!

Но здесь пигмеи приняли наследство,
Им не понять гигантов гордых детство,
И сыновьям — могучий чужд отец!

II (Блуа)

Сюда сбежал изнеженный король.
Сон охраняли юноши — миньоны.
Гражданская война. Набата звоны.
На улицах столицы выла голь.

Три Генриха, и смерть для них-пароль!
Их не смущали жертв невинных стоны,
Сердца слепые жаждали короны.
Смеясь скрывала ночь и кровь, и боль.

Врага надменного ждала ловушка,
Грудь Гиза острый отыскал кинжал —
Старинный замок в ужасе дрожал,

Во рву бесстрастно квакала лягушка.
Сегодня ты... но рок уж подал знак —
В тени скользят: Клеман и Равальяк!

ПОД НЕБОМ ИТАЛИИ

1944-54

КАРНИЯ (Фриули)

Зловещих лет убийственная жуть
Оставлена за Альпами навеки.
И раскрывались с отрадой веки,
Ловила жадно чистый воздух грудь.

Кто знает, кончен ли тернистый путь,
Что принесут с собою — дни-калеки?
Но здесь так звонко, звонко шепчут реки
И можно жить бездумно, как нибудь!

Восход был свеж и призрачен до боли,
И тишины целительный бальзам
Струился по ущельям и горам,

А пленник, вырвавшийся из неволи,
Срывал и целовал нежнейший мох,
И эхо разносило каждый вздох.

ВЕРОНА, 1944 г.

Дозор, вдоль островерхих улиц, гулко
Прошел в ночи, дробя свой четкий шаг.
И воздух рвал летящий тяжело враг.
Таилась смерть в тумане переулка.

Но день настал, и радостна прогулка,
И город предо мной, не город — маг,
И в небесах — победный солнца стяг,
И песнь — в глубь любого закоулка.

Я жадно красоту твою впивал.
Вот piazza delle Erbe, вот арена,
Вот древний монастырь и крепкий вал —

— Приют любви... и не пройдет измена..
Но и вдали, от торжища и пира,
Верона, ты — любимица Шекспира.

МИЛАН

Туманом улицы заволокло...
Неясной глыбой проплывал Дуомо...
Мне померещилось — я снова дома!
Там дальше, невское блеснет стекло...

Но время, шурясь и дразня, текло
Струей тяжелаго, хмельного рома,
И нет в ушедшее назад парома,
И нет, и не было, быть не могло!

Навстречу мне не Инженерный замок,
А башня, вход и на щите змея...
Как много в жизни непреложных рамок!

Еще момент и потеряюсь я...
Но Леонардо ласковой рукою
Меня уводит к синему покою.

ТРЕМЕЦЦО (Оз. Комо)

Гора припала чудищем к воде
И жадно пьет уже многими веками.
Играет в прятки солнце с облаками,
Летящими к неведомой чреде.

Но разве можно думать о беде?
Когда — вверху, внизу, над берегами,
Разбросаны нежнейшими руками
Творца улыбки и цветы везде.

И кажется, что поцелуй небесный,
Дал жизнь вот этой заводи чудесной —
Достойной кисти древних мастеров.

И крикну я — остановись мгновенье!
Дай палачу-рассудку исцеленье,
Набрось на мир божественный покров!

СТРЕЗА (Лаго Маджиоре)

Беспечная богиня, пролетая,
Здесь бросила от розы лепестки;
И острова — чудесные ростки,
Над лоном вод, возникнули блистая.

В лазури — голубей веселых стая.
Смеются небеса и нет тоски.
И над ручьем чугунные мостки.
И песнь звенит шутливая, простая.

От долгих дум устав и от забот,
Так хорошо найти приют зеленый
И слышать, как поют платаны, клены.

И посетить прохладный, мшистый грот...
Здесь отдыхал Сан Карло Борromeо,
Шепча смиренно — « *culpa, culpa mea* »...

ОЗЕРО ГАРДА

(Гардоне-Рива)

Машина мчит. Зигзаги поворота.
Внизу вздыхает тихо синева.
Поют цветы, деревья и трава.
Каскад бурлит в отверстии мшистом грота.

С улыбкою ласкает нас дремота,
Так тяжелеет нежно голова.
Зачеркнуты тоскливые слова,
И где то далеки и горечь, и забота.

Горит на солнце озера стекло.
Над нами время медленно текло.
Встречает нас, сияя, город Рива.

Но вдруг карета — призрак и рожок!
Вольфганг фон Гете, молча, горделиво,
Проносится, в пыль уронив платок.

Р И М

Закат ложился золотым пятном.
Пустынный храм мне протянул об' ятье.
Всплывало в сумраке Христа распятие
И жизнь казалась беспредметным сном.

Орган вздыхал и плакал о былом,
И к сводам посылал могучее заклятье...
И белое доминиканца платье
Мелькнуло у колонны, за углом.

Такой люблю я Вечную столицу! —
Не славу, погребенную в пыли,
Не меч и не голодную волчицу,

А стража лучезарнаго земли.
И было суждено, что в эту зиму
Путь приведет меня к святому Риму.

БОЛЬЦАНО - СОПРАБОЛЬЦАНО

(День Успения Богородицы)

Вот белый плащ с багровою каймою,
А на стене — австрийские гербы.
Сырая ночь, льют аромат грибы,
Мелькают в вальсе пары чередою.

Застыло небо. Поступью немою
Крадутся годы — времени рабы.
Кто остановит бег моей судьбы?
Какой удел ждет странника зимою?

Меня приветствует мой друг, барон,
Нас окружает шум со всех сторон,
Насмешливо глядят с портретов предки.

Отбросив груз громоздких, тяжких плит,
Встает былое из могильной клетки,
И на восход, вздохнув, с тоской глядит.

ВЕНЕЦИЯ

Так много сказано цветистых слов
О городе и льве Святого Марка...
И вот — я здесь... торжественно и ярко
Сверкает бронза тяжких куполов.

Венеция, ты — солнечный улов!
Скользишь в веках таинственная барка...
И вот Риальто вздыбленная арка,
В канале отблеск ломанных углов.

Нетленные румяна Тициана
Хранят, красавица, твое лицо,
И тянется из звездного тумана

Рука, несущая тебе кольцо.
Усталая, ты дремлешь безмятежно
В об'ятках вод, баюкающих нежно.

ЦЕРКОВЬ Dei Frari (Венеция)

Когда я в храм вошел, уже темнело...
Но образ пламенный в глуби возник.
И на меня взглянул Пречистой лик,
Летело ввысь божественное тело.

И синева, и пурпур — все горело...
И раскрывался вечности родник...
Душа таила предрассветный крик,
Склонившись на колени, сердце пело.

И музыка неведомых миров
Симфонией сладчайшей прозвучала,
И нет конца, и не было начала...

Но даже тот, кто в мастерстве суров,
Не может не прославить Тициана,
Его творенье — вечная осанна!

САН РЕМО

Сегодня море в голубом уборе,
Цветущий берег убегает в даль.
Поет в сердцах сладчайшая печаль,
Душа тоскует об ином просторе...

Я не скажу, что жизнь дала лишь горе,
Ведь были розы, а не только сталь,
Вот потому то нам порою жаль
Терять цветок, улыбку в милом взоре.

Романтика моторов мне чужда.
Игра судьбы — занятнее рулетки,
Дано нам выбрать между нет и да,

Чтоб вырваться из этой душной клетки.
Но знать не хочет ни о чем толпа,
Попрежнему криклива и глупа.

ФЛОРЕНЦИЯ

Мир обречен. Дух Божий отлетел.
Наш век кричит в об'ятых машины.
И ты, Адам, сын первозданной глины,
Вторично покидаешь свой удел.

Но здесь — элегия души и тел,
Весна целует нежные долины,
И по пути в небесные глубины,
Над башней Джотто ангел пролетел.

Тут в красках, в мраморе почует время,
И вечности всегда — единый день,
И груз веков — торжественное бремя,

Подобно куполу бросает тень.
Мне кажется, что здесь я жил когда то
Учеником послушным фра Беато.

БОТТИЧЕЛЛИ (Флоренция)

И дух, и плоть в единстве красоты,
Любимый мною, сочетал художник.
Дым источает жертвенный треножник.
Роняет, шествуя, Весна цветы.

Где, у какой неведомой черты
Был сорван первый, свежий подорожник?
Какой таинственный любви заложник
Во вздохе ветра прошептал « где ты »?...

Из лона вод рождается Венера,
Являя нежный и невинный лик,
И странно, что в глазах не страсть, но вера...

Душа невольно затаила крик...
Во Фьезоле, под сенью древней ели
Я жду тебя, о милый, Боттичелли.

МОНАСТЫРЬ СВ. МАРКА (Флоренция)

Чистейшую поют осанну краски
И нежен в них потусторонний свет.
Дух отрицанья получил ответ
В лучах чудеснейшей, наивной ласки.

И вот душа обнажена, без маски,
Готова дать торжественный обет:
На протяжении грядущих лет
Любить, прощать и верить без опаски.

Легенда есть — смиреннейший монах
Дыханьем кисть водил, а не рукою...
Вот почему тончайшей красотой

Живут его творения в веках.
О, брат Анджелико, под кущей рая,
Рисуешь ты, на Господа взирая.

Piazzale Michelangelo (Флоренция)

Глядит, глядит задумчиво Давид,
Заката пляшут розовые тени...
И кажется, вот двинутся колени,
И юноша упруго побежит.

Назойливый турист защелкал вид,
Сбегая в спешке с мраморной ступени;
Снуют автобусы, не зная лени,
Фальцетом верещит охрипший гид.

Сойдем, мой друг, отсюда в переулки,
Шаги веков там тяжелы и гулки,
Мы растворимся в хороводе тел...

Смотри: внизу, невидимые нити
В былое протянул палаццо Питти
И купол Брунеллески возлетел!

ПАЛЕРМО

Здесь хмурый викинг воплотил мечту,
Которую лелеял с колыбели;
Ему на севере фиорды пели,
Что встретит он на юге красоту.

Не так ли мы, зловещую черту
Оставив, и, забыв поля и ели,
Под чарами языческой свирели
Хотим души заполнить пустоту?

К чему тужить! Останемся, как дети...
Волшебный город нам раскинул сети!
Века взростили золотой цветок!

И в каменном, торжественном хорале
Трепещет вечности живой поток —
— Мозаика на стенах в Монреале.

СЕГЕСТА (Сицилия)

Смеется солнце. Тихая долина.
И на холме, открытый всем ветрам,
Стоит заброшенный, но гордый храм —
Сын вечности, а вечность, что пучина...

Веков не раз менялася личица,
Но храм священный страх внушал врагам;
И вот я здесь: лишь птиц веселый гам,
И синь небес, и аромат жасмина.

Дорических колонн — волшебен ряд,
Лазурь меж ними — чистая, живая...
Каким неведомым богам обряд,

Свершает день, свой яркий плащ свивая?
Трепещут кони, чуя бездны склон —
Стремит свой бег на запад Аполлон.

ПО ДОРОГЕ В СИРАКУЗЫ (Сицилия)

Гнездом орлиным на крутой скале
Сплелися башни и дома слепые,
Застыли хмуро в них века седые,
Забывшись в розовой заката мгле.

Шоффера взгляд и нервы на — руле —
А петли бесконечные, кривые...
В горах зарницы — очи огневые...
Навстречу — всадник гордый на осле.

А за спиной: руины Агригента,
И жалобы миланского агента
На кухню и гостиницы в пути,

Но вопли новоявленной Кассандры
Цветами заглушают олеандры....
Сицилия! — другой нам не найти!

ТАОРМИНА (Сицилия)

Ленивый Зевс здесь отдыхал порой —
Удел был дан любимцу Ганимеду.
И Афродита сладкую победу
Дарила щедро, и был горд герой.

Исчезли боги, но туристов рой,
Годами, по истоптанному следу,
Непостижимому внимают бреду,
В погоне за ушедшей красотой.

Кто тут смешал и небеса и море
В одну сияющую ярко синь?
Кто вычеркнул из лексикона — горе?

Кто приказал заботе: « нас покинь! »
О, это ты, в наряде из жасмина,
Смеющаяся вечно Таормина!

СОДЕРЖАНИЕ

НА КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕМЫ:

De bello gallico I	9
» » II	10
Катилина	11
Карфаген	12
Сократ	13

ПОРТРЕТЫ:

Франсуа Вийон. Вступление	17
» » I	18
» » II	19
» » III	20
Гумилев	21
Бетховен	22

PRO DOMO SUA:

Борису З.....у	25
Борису Коронелли	26
Кн. В. А. Сумбатову	27
Старосветские помещики	28
Фарфуй	29
Первая любовь	30
Мама	31
Отец	32
Манглис I	33
» II	34

Петербург	35
Усадьба	36
Батум	37
Тифлис I	38
» II	39
42	40
Второе отступление	41
Поэту	42
Бессоница	43
Сомнение	44
Грешнику	45

ДОРОЖНЫЙ ДНЕВНИК:

А — Скитания:

Константинополь	51
Прага	52
Берлин	53
Кведлинбург	54
Золото Рейна	55
Мюнхен	56
Вена	57
Париж	58
Замки Луары I	59
» II	60

Б — Под небом Италии:

Карния	63
Верона	64
Милан	65
Тремеццо (оз. Комо)	66

Стреза (Лаго Маджиоре)	67
Оз. Гарда	68
Рим	69
Болцано	70
Венеция	71
Церковь Dei Ffari (Венеция)	72
Сан Ремо	73
Флоренция	74
Боттичелли (Флоренция)	75
Монастырь Св. Марка (Флоренция)	76
Piazzale Michelangelo (Флоренция)	77
Палермо (Сицилия)	78
Сегеста (Сицилия)	79
По дороге в Сиракузы (Сицилия)	80
Таормина (Сицилия)	81

*Il volume è stato composto con
i Tipi della
POLIGIOTTA VATICANA*

Ha curato l'Edizione l'AUTORE

*Finito di stampare il 31 gennaio
1955 dalla*

*LITOGRAFIA FORNAROLI
Magenta*